

Гальцева Р.А.

В СТОРОНУ ЭПОХАЛЬНОГО «КОНЦА СВЕТА»¹

*Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Москва, Россия*

Аннотация. Критически рассматриваются основные тенденции мирового цивилизационного развития. Анализируются гендерные новации современных обществ на Западе, исследуются проблемы вероятного политического развития современных социумов.

Ключевые слова: общество; культура; политика; гендер; инцест; либерализм; неолиберализм; свобода; Запад; Восток; конец света; элита; власть; христианство и власть; идеология.

Поступила: 01.07.2020

Принята к печати: 19.07.2020

Galtseva R.A.

Towards the epochal «End of the World»²

*Institute of scientific information for social sciences
of Russian academy of science, Moscow, Russia*

Abstract. The paper critically examines the main tendencies of the global civilizational development. It analyzes gender innovations in contemporary western societies and investigates problems of probable political development of contemporary societies.

Keywords: society; culture; politics; gender; incest; liberalism; neoliberalism; freedom; West; East; end of the world; elite; power; Christianity and power; ideology.

Received: 01.07.2020

Accepted: 19.07.2020

¹ © Р.А. Гальцева, 2020

² © Galtseva R.A., 2020

«Какое будущее ожидает человечество?» – вот вопрос, не сходящий с умственного горизонта любознательного, пытливого интеллектуала. На этой колеблющейся теоретической и фантастической почве родилось в литературе изобилие не только научных проектов, но и сонм утопий с антиутопиями, а также футурологических сочинений 1960–1970-х годов, коих план ныне уже перевыполнен.

Попробуем задаться более скромной целью – представить себе судьбу нашей цивилизационной эпохи и те движущие имманентные силы, которые она в себе заключает и которые позволят выбраться, дай Бог, из застоя или, наоборот, обрекут ее на гибель. Внешние, природные глобальные катастрофы в наш расчет, условимся, не входят.

Можно различать эпохи по двум характеристикам: социально-экономической и культурно-духовной. Ни их число, ни этапы их не совпадают между собой. Мы знаем сравнительно небольшое число социально-экономических образований, или, как именуют подчас, формаций (к примеру, первобытнообщинная, или родоплеменная, рабовладельческая, тираническая – восточные деспотии, феодальная и демократически-правовая эпоха капитализма). И, с другой стороны, – множество эпохальных направлений и школ в области культуры и искусства (к примеру, классицизм, барокко, экспрессионизм, авангардизм, импрессионизм, модернизм, постмодернизм и т.д.); и – наша, новейшая эпоха, еще не нашедшая сегодня твердого обозначения, некая новая стадия постмодернизма как в культуре, так и в области «базиса». Наиболее прямое соотношение между социально-политическими и культурными эпохами реализовалось во взаимоотношении протестантизма и духа капитализма.

Упомянутые нами социально-политические образования зачастую именуются «цивилизациями». Однако это весьма проблематично, если учесть, что это понятие появилось у Мирабо в 1756 г. (само слово известно было в Древнем Риме, и означало оно строй, утверждавший на почве укоренявшегося христианства суверенность человеческой личности. Это общество, основанное на началах равенства и справедливости, знаменует, по Мирабо, приход новой гуманистической, нравственной, «вежливой» эпохи, эпохи освобождения человеческих сил и ускоренного прогресса (социального и технологического развития). Притом рост силы и военной мощи государства зачастую находится в обратной пропорции к доступным для члена гражданского общества обеспе-

нию и суверенности. И потому, разумеется, понятие «цивилизация» не должно быть приложимо к другого рода общественным устройствам: мощным варварским и тоталитарным режимам, где над человеком властвует превосходящая его социальная сила, государственный механизм, подавляющий независимость гражданина. По этому признаку, обобщенно говоря, мир разделен на Запад, цивилизацию христианской ойкумены, и Восток, страны с историческими чертами восточных деспотий, к которым больше бы шло слово «мир» или даже «ареал» (египетский мир, арабский ареал и т.п.).

Обозревая историю цивилизации в целом – и восточную ее часть (Россия, Восточная Европа), и западную (США, Великобритания, Канада, по существу и Япония) – за последнее время, невозможно не заметить различий. По своему государственному устройству нынешняя Россия формально соответствует всей демократически-правовой системе государств на Западе: свободы и права человека, всенародные выборы в органы государственной власти, закрепленные в Конституции, Верховный суд, разделение властей, двухпалатный парламент (Дума и Совет Федерации) и т.д.

Здесь натиск пламенный,
А там отпор суровый,
Пружины смелые
Гражданственности новой

[Пушкин, 1937, с. 115]

В действующей ныне нашей Конституции Российская Федерация характеризуется как социальное государство, демократическая республика, в которой в качестве высшей ценности также провозглашаются «права и свободы человека» (1, 2, 7 статьи), и строй ее формально может именоваться также «государством всеобщего благосостояния». Все это было задумано и прописано в отношении России в постсоветские, ныне гонимые, 90-е годы (Конституция от 25 декабря 1993 г.); это был краткий освободительный момент в современной российской истории. Вспомним тут изречение из работы раннего Маркса «К критике философии права Гегеля»: «С нашими пастырями во главе мы обычно оказываемся в обществе свободы только один раз – в день ее погребения» [Маркс, 1929, с. 537–652].

Однако если взглянуть на эту сегодняшнюю реальность, то окажется, что она живет по несколько иным законам. И ее подра-

зумеваемой дефиниции «государства всеобщего благосостояния» вряд ли может соответствовать вся социально-политическая российская практика. Приглядимся, как вообще реализуются принципы демократически-правовой системы в нашей стране. Структуру ее можно изобразить как многослойный пирог: высший слой его – это верховная власть в лице президента (которого уже предлагалось именовать «Верховным правителем»), а также его ближайшего окружения, состоящего из доказавших свою преданность лиц; следующий слой – обширный, многочисленный чиновничий пласт разных градаций по вертикали, т.е. *номенклатура* (понятие, введенное и изученное немецким социологом М. Восленским). Этот пласт, собранный по принципу отрицательной селекции, не выходит из оборота и по определению не грозит потрясениями, обеспечивая стране стабильность (переходящую в стагнацию). Конечно, если не возникнет свирепого тирана («вождя народов», к примеру) в результате государственного переворота, революции, единовластно взрывающего застывший порядок и по мановению руки меняющего элиту и повышающего в стране градус страха. (Или, если не нахлынет на планету природная или технократическая катастрофа, что не есть наш предмет). Но «тиран» – это понятие из другой, тоталитарной системы, характеризующейся отсутствием сейчас такого явления, как тотальное насилие.

Ныне в России идет лишь *отрицательный отбор* при формировании начальственных кадров. Всеми единовластными назначениями и переназначениями высшие, и не только высшие, политические и хозяйственные персонажи, при очевидной их деловой непригодности, перемещаются из одного высокого кресла в другое, в чем народ участвует номинально. Потому вряд ли такое социальное устройство может быть причислено к правовым демократическим государствам, гарантирующим своим обитателям «*качество гражданства*».

Освободительный момент в современной российской истории был, повторим, лишь на кратком этапе 1990-х годов.

Предпринимаемая с весны 2020 г. трансформация российской Конституции касается по сути той же перестановки и кружения лиц в высшем эшелоне власти при сохраняющейся системе управления в целом. Слава Богу, это еще не тоталитаризм. Если наша система, где политика – сфера без социального лифта, недоступная для рядового гражданина, – не вписывается в понятие «соци-

ального государства», то экономика, область во многом свободного предпринимательства (однако не без существенных ограничений), все же близка к требованиям социального государства.

Далее, основной столп демократического государства – свобода слова; нам она в определенной мере дана: за приватное, частное инакомыслие вас никто не будет преследовать, если его не очень громко афишировать. И в этом главное отличие от тоталитарного устройства. Однако есть и «ограничения» на публичное выражение этого права: возьмем хотя бы закон на запрет экстремистских взглядов, правоприменение и толкование которого – в руках верхних властей и силовых структур. Притом вполне последовательно: несогласная часть общества вытеснена на беспрерывно атакуемые информационные задворки. На ток-шоу центральных медиаканалов инакомыслящий гость приглашается в качестве «чучела врага» (Л. Радзиховский), тут же бурно разоблачаемый с применением брутальной, а подчас нецензурной лексики. Уместно вспомнить оборот Дм. Быкова: «Если им так хорошо, почему они так беснуются?»

Далее, введен суровый закон об иностранных *агентах*, что для русского уха звучит угрожающе. Судебные органы также зависимы от подсказки сверху. (Но, повторим, в контраст предыдущему, тоталитарному режиму массовых репрессий в стране нет.) Что касается партийности: она узаконена у нас, но с партиями России также не везет. Что поделаешь, не прививается партийная система у нас... Как ни размножай и ни именуй партии, все равно получается аля КПСС с заседаниями, похожими на съезды и пленумы той партии. Разрастающаяся же в последнее время мультипартийность выглядит только комически, что подчеркивает неприспособленность партийного строительства к нашей системе. Поэтому объявленная многопартийность играет скорее номинальную, чем реальную роль. И в этом смысле допущенная «системная», т.е. думская, «оппозиция» скорее декоративна, ибо фактически не влияет на принятие решений, спускаемых сверху. А что касается возможностей для оппозиции «несистемной», то об этом было сказано выше.

В отличие от коммунистического режима *партократии* (где правят члены *innerparty*) главная ныне в стране «Единая Россия», закрывая доступ наверх другим независимым союзам, остается, по сути, тоже бутафорским объединением, составляющим социаль-

ную опору верховному руководителю страны, равно как и всероссийский «Народный фронт» и т.п.

И еще, контраст с прежним – при общих итоговых отрицательных результатах: если сегодняшняя система РФ отмечена отсутствием социальной динамики, наличием как раз бессменных кадров высшего эшелона власти, то в отличие от этого тоталитарный, в идеале – сталинский, режим характерен прежде всего насильственной и непредсказуемой сменой, а затем и ликвидацией ближайших кадров вокруг вождя по мановению его руки. Что, однако, каждое на свой лад, означает бездвижность системы, а в перспективе – распад режима.

В тоталитарных режимах разрешено только то, что приказано властью, в нашей же системе разрешено принципиально все, что не имеет отношения к политике (сфера которой все расширяется) и интересам олигархии... Тоталитарный режим, основанный на страхе и насилии, объявляет своей целью утопическую, радикальную переделку общества «по новому штату», проект которой закреплён во всевластной идеологии. Наша Конституция как раз наоборот отрицает как таковую идеологию, заменённую лозунгом «Россия вперед!». Полушутя прозвучало и прагматическое соображение: подождать, пока не придумают очередную новацию американцы, а мы – «цап-царап» (образное выражение «догоняющего развития»), между тем как в самое последнее время нашей идеологией, ничтоже сумняшеся, объявлен «патриотизм»). Но через лозунги «Россия, вперед!» и «Достигнем прорыва!» не проглядывается никакой «дорожной карты»: что желаемо впереди, куда прорыв?

Власть и привластные политологи всячески подчеркивают превосходство РФ над сложившейся демократической западной системой, свою особую *суверенность* и «высшую форму демократии», хотя, по наблюдениям политического обозревателя Дмитрия Дризе, и не только его, «никто не знает, что это такое».

Конкретно наша социально-экономическая система функционирует так: на самом верху, в Кремле, выдвигаются решения и проекты, «одобряемые» затем Думой и принимаемые к исполнению правительством. Все это напоминает, повторим, пленумы ЦК КПСС. Сегодняшняя власть беспрерывно изыскивает способы сдвинуть с места завязшую экономику страны посредством нацпроектов, наказов и актов, но воз и ныне там; руководитель страны

ищет причины социально-экономической бездвижности в чем угодно, главным образом в коррупции, но не менее – и в психологических особенностях доставшегося ему несознательного народа. И, главное, конечно же, – во «враждебном окружении». Однако не оглядывается на главную, опасную причину – саму систему управления, ликвидирующую, по сути, разделение властей и демократические свободы в целом. Принято ссылаться на победные цифры при голосовании населения на выборах, но они, заметим, формируются не в процессе опускания бюллетеня, а на стадии предвыборной кампании.

Упомянутая выше бравурная кампания по «недопеределке» (выражение того же Д. Дризе) нашей Конституции на самом деле директивно ломает ее. Прежде всего, большая часть выдвигаемых поправок совсем не нуждалась во вмешательстве в Конституцию, а могла быть, как это практиковалось до сих пор, принята через законодательные акты и указы. «Поправки» были равнодушно встречены народом, а независимыми умами воспринимались как спектакль «много шума из ничего». Этот политический проект высшей власти, над которым трудились «семьдесят толковников» в лице «рабочей группы», затем «одобренный» Государственной думой, носил в себе вкрапления материальных посулов народу, вроде морковки перед глазами идущего осла (тут Александр Македонский вспомнил бы свою фразу об «окружении льстецов и лизоблюдов» вокруг властного трона), состоит опять же в перетасовке высших органов, цементирующей status quo, однако с еще большими возможностями для продления политической жизни и несменяемости верховного руководителя. Так, Госсовет отныне провозглашается высшим неприкосновенным заповедником для всех президентов прошлого вместе с членами Верховной палаты. Эта инициатива, напомним еще раз, заключалась в том, что в конституционный проект были включены материальные посулы для народа, неразрывно слепленные на манер симбиоза гриба и водоросли с абстрактными непонятными ему политическими маневрами, и потому прельщенным ими поневоле оставалось на «всенародном голосовании» высказаться за этот проект в целом, включая «обнуление» сроков выбора президента. (Надо заметить, что, следуя за мечтой конституционного переворота «Путин навеки» и опираясь на труды легендарного основателя доктрины «общего дела» по воскрешению отцов Н.Ф. Федорова, как и на неотменимый

приоритет русского космизма в мировой мысли, логично было бы внести в Основной закон статью о бессмертии лидера нации).

Итак, подведем социальные итоги: оказалось, что ни в рамки демократически-правового (особенно после вторжения в Конституцию весной 2020 года), ни в рамки тоталитарного строя, слава Всевышнему, тип социального устройства РФ не вписывается, при частичном (и все большем) совпадении некоторых тоталитарных черт с нашими. Остается признать за ним вариант еще одного типа государственного устройства, гибридного, промежуточного между этими полюсами, т.е. – *секулярного авторитаризма*, не имеющего в данном случае никаких движущих причин к развитию. Оказывается, таким образом, что знаменитая «стабилизация» в этой системе превращается в *стагнацию*, но общество, как всякий живой организм, вступив в стадию бездвижности, или погибает, или в корне меняет свою формацию. А способ, которым придет «конец прекрасной эпохи», каждый предположит или предложит сам, каждый в меру сил и возможностей поведает свою правду.

* * *

А что же Запад, каковы его перспективы, какова его «дорожная карта»? Политически эта цивилизация, как видим, до сих пор держится на своих демократических скрепах, где главная забота – обеспечение гражданских прав и свобод человека, в том числе и свободного предпринимательства с его динамо-машиной конкуренции (что административно регулируется в авторитарном государстве). И это обеспечивает капиталистическому обществу экономически беспрепятственную динамику, не позволяющую ему застыть на месте.

Жить бы да жить ему, такому «базису», набирая мощь, да вот «надстройка» подкачала. Шло время, а вместе с ним шел процесс обмирщения демократически-правового статуса западной эпохи, меняя духовную атмосферу общества и неизменно искажая его облик. «Люди забыли Бога, оттого и все», – резюмировал это религиозное обмеление А. Солженицын.

Задумавшись над историческими причинами подобного тренда, можно предположить, что, во-первых, в связи с техническим прогрессом человек ощутил свою научно-творческую мощь,

преисполнившись чувством хозяина вселенной. «Наука, – подытожил этот гюбрис астроном и математик П.-С. Лаплас, – не нуждается в гипотезе бога». Вторым главнейшим фактором смены мировоззрений был кризис церкви, расколовшейся на ряд конфессий и деноминаций, раздробившей христианство. Но конечную причину земных процессов, таящуюся в глубинах божественного провидения, историософия назвать нам не может.

«Западная» система построена на идеологии классического консервативного либерализма, но вот возник момент, когда она стала менять свой облик. Разъедает, разлагает общество, улетучивается, расползается дух свободы человека и свободного предпринимательства капитализма. Не лишне заметить, что в теоретико-политических кругах западного мира, а затем и цивилизации в целом, был утрачен смысл употребляемых ими основополагающих терминов.

* * *

Свободой Рим возрос, а рабством погублен.

А.С. Пушкин «Лицинию»

Всматриваясь в историю западной цивилизации за последнее, скажем, столетие, невозможно освободиться от мысли, что она претерпела радикальную, задевшую и наше российское бытие культурную мутацию, и – не задуматься над ее причинами. С каких ослепительных вершин и в какие скудные низины спустился дух! И в контраст: каких чудных высот достигла научно-техническая мысль в служении комфорту человеческой жизни (как и ее уничтожению).

Что же привело к упадку, к внутреннему разрыву с драгоценным наследием, накопленным в европейской ойкумене: с несравненной сотворенной красотой и взмывающей мыслью, явившей миру утонченный человеческий тип?

Мы наблюдаем эту деволюцию светского государства «всеобщего благоденствия» на примере самой передовой страны, флагмана демократического мира Нового времени – Соединенных Штатов Америки, этого «Града на холме» (по аналогии с Новым Иерусалимом из Откровения Иоанна Богослова) и его прославленной, первой в мире писаной Конституцией. США были «общепри-

знанной удачей», развитие которых не знало равных в Новой и Новейшей истории. (Понятие «демократия» я употребляю здесь не в дословном, изначальном смысле «народоправства», а в современном смысле защиты свобод и прав человека.)

Вместе с правовым демократическим, светским государством, утвердившим свободу совести, в истории появилось такое общественное устройство, в котором церковь больше не предписывала гражданину его вероисповедания. Лицо этого социального феномена служило предметом неистощимой гордости американцев. И не зря. Ибо с ним в социальный мир вошло новое измерение: человеческая личность обретала свободу совести, рассвобождаясь в самой своей глубине. Светское государство провозгласило суверенность человека в выборе вероисповедания, освобождая высшее его дарование – совесть – от диктата со стороны религиозной инстанции.

Однако со временем американское государство приобретало новые черты, проследить загадочную и поучительную судьбу которых поможет исследование историка и кинодеятеля, нашего автора и переводчика Владимира Михайловича Ошерова «Но вечный выше вас закон. Метаморфозы американского правосознания» [Ошеров, 2008], а также мнения других основательных публицистов, цитируемых далее.

Впервые принцип, отменяющий обязательность определенной религиозной веры, был объявлен императорами Константином и Лицинием в Миланском эдикте 313 г., который уравнивал в правах все культы и верования. В результате язычество теряло уникальный официальный статус, открывая пути перед остальными религиями (из которых христианство скоро завоевало доминирующие позиции). Это освобождение совести гражданина от принуждения со стороны внешних, официальных инстанций как раз и покрывается формулой «отделение церкви от государства», не означая при этом никаких иных, репрессивных смыслов. Однако со времен ленинского декрета 1918 г., в котором под отделением церкви мыслилось гонение на нее и в конце концов полная ее ликвидация, в нашем российском сознании это выражение не только до сих пор несет на себе следы недоброжелательства по отношению к церкви и убеждения в необходимости ее отторжения от общественной жизни (чего эта идея, повторим, никак не подразуме-

вает), – но такое его понимание постепенно распространилось в остальном цивилизованном мире.

Между тем (как ни парадоксально это может показаться на первый взгляд – если иметь в виду сегодняшнее состояние общества, целенаправленно расстающееся с христианским фундаментом) именно христианству, его антропологии общество обязано этим революционным нововведением – утверждением свобод и прав личности. Именно христианское учение возвестило о высшем, богоподобном достоинстве человека: «К свободе призваны вы, братия...» (Гал. 5:13), «Стойте в свободе, которую даровал вам Христос...» (Гал. 5:1). Ап. Иоанн – конкретизируя с содержательной стороны эту свободу, которую человек обретает на пути к Истине («Познайте истину, и истина сделает вас свободными» – Ин. 8:32), и говоря, таким образом, не о свободе выбора, свободе внешней (или «свободе от» на философском языке), а уже о свободе внутренней («свободе для»), – не только не отменяет первую, но как раз предполагает ее, ибо *призывает к определенному выбору*, а не *налагает обязанности* этого выбора; выражает *сущность* такого выбора как освобождения от рабства у греха, а не его *принудительность*. Так, Христос пришел на землю не только как Спаситель человека, но и как Освободитель его воли от духовного детерминизма («Милости хочу, а не жертвы...» – Мф. 9:13).

«Общепризнанная удача» развития Соединенных Штатов как раз коренилась в христианских началах их Основного закона, первой в мире писаной Конституции. Культ этой Конституции в Америке страна и обязана своим процветанием и стабильностью. Однако, будучи приблизительно до середины XX в. сравнительно благополучным гражданским сообществом, далее Америка вступила в эпоху кризисных духовных перемен и раскалывающих его «культурных войн», от исхода которых, как подчеркивает знаток США культуролог Юрий Михайлович Каграманов, зависит ее будущее [Каграманов, 2014].

Что же случилось со страной, с гарантом ее благополучия – Основным законом. Притом вряд ли мы слышали когда-либо, что Соединенные Штаты пересматривают свои столь ценимые конституционные основания, обеспечившие стране беспрецедентное самостояние, и ставили под вопрос правоту отцов-основателей, признанных зачинателей подъема Нового Света.

Конституция США – это, по словам известного американского публициста и культуролога Ирвинга Кристол, «парадоксальный документ, не похожий ни на одну конституцию в мире» [Кристол, 2008, с. 15]. Изложенная сухим юридическим языком, она зиждется отнюдь не на формализованных основаниях, а на «ковентантном» (заповедном) единодушии. При том что в ней выражается самый трезвый взгляд на человеческую природу – как несущую на себе печать первородного греха, взгляд, свободный от всякого заискивания перед народом и от утопической абсолютизации «демократической веры», Конституция стала предметом поистине народного почитания. Вместе с флагом и гимном Конституция (с прилагаемым к ней «Биллем о правах») образовала символическую троицу знаменитой «гражданской религии» США.

История Конституции проста: собрались государственные деятели с заслуженной репутацией, в основном пасторы, кандидаты в пасторы и проповедники, и учредили основополагающий закон страны, заложив незыблемый, как они были убеждены, фундамент государственного устройства. «У американской Конституции было много интеллектуальных отцов, – пишет, опять же, Ирвинг Кристол, упоминая среди прочих Джона Локка, Монтеня, шотландских философов Просвещения, – но одна духовная мать – протестантская религия» [Кристол, 2008, с. 16]. Все решения принимались на основе принятой тогда (т.е. христианской) системы ценностей. «Ковенантное» сообщество обеспечивает равный доступ к Богу и к материальному благополучию, путь к которому обусловлен христианским сознанием самоограничения и благотворительности.

Итак, источниками американской Конституции были христианство и вытекающая из него мораль: «Христос незаменим в качестве моральной основы человека» (Бенджамин Франклин). Другой отец-основатель, автор Декларации независимости, а также незавершенной работы «Философия Иисуса» Томас Джефферсон в одном частном письме писал: «Его (Христа. – Р. Г.) моральная система и Его религия – лучшее из всего, что видел мир». Как тут не возникнуть реминисценции другого частного письма – Достоевского: «Нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа <...> и не могло быть» [Достоевский, 1985, т. 28, кн. 1]. (Процветанию Америки, по никем не оспариваемому мнению, способствовала и определенная специфика протестантской конфессии с ее убеждением в том, что успеш-

ное предпринимательство есть свидетельство благословения, благорасположения Божия, ибо «дух личной предприимчивости, – уточняет В.М. Ошеров, – неразрывно связан с христианскими понятиями об индивидуальной ответственности за свои земные дела» [Ошеров, 2008, с. 27]).

Это какой-то парадокс! Чтобы при непрерывном почитании Конституции, основанной на христианском фундаменте, которое, казалось бы, позволяло ей не полинять ни перышком, в нее, а вместе с тем и в образ жизни религиозного народа путем толкования могли внедряться принципы, враждебные ее духу, противоречащие заветам отцов-основателей и ведущие к перерождению всей духовно-культурной среды!

В начале 1960-х годов начинается гонение на молитву в школах, повлекшее за собой череду запретов на христианские символы и праздники, на христианский образ жизни; празднование Рождества все больше теряет связь со своим истоком – рождением Христа – и перестает считаться национальным праздником; из учебников государственных школ США изымаются упоминания о христианском происхождении американской демократии; в День благодарения американцы, похоже, должны теперь благодарить скорее индейцев, чем Господа Бога.

С чьей же легкой руки пошел процесс? Этой легкой рукой была тяжелая длань Верховного Суда, присвоившего себе право на истолкование «исходных намерений» (*originalintent*) отцов-основателей, будто бы не до конца охвативших подлинный смысл, точнее, всю глубину идей, вложенных ими же в Конституцию. Такова была апология новых интерпретаций, сталкивающихся между тем с отчаянным общественным сопротивлением. По сути же, Суд претендовал на «свободное прочтение» и своевольную корректировку конституционных статей.

Завязалась ожесточенная дискуссия, победу в которой Суд узурпировал, опираясь на свое положение высшей правовой власти, ставшей в результате вторым (а подчас и первым) правительством в стране. «Суд перешел от исполнения своей третейской функции к фактическому социальному реформаторству <...> Сохраняя видимость пиетета и следования судебному церемониалу, стремился поставить конституцию с ног на голову» [Ошеров, 2008, с. 71]. Появилась цивилизация, культура которой шла вразрез с ценностями и идеалами самой цивилизации.

И явная причина этой смены вех коренилась, как можно уже догадаться, *в умах* членов Верховного Суда. Дело в том, что в обновляемом его составе появились лица, охваченные входящим в моду новоявленным мировоззрением. Движимые лозунгом «прогрессизма» и жаждой новизны, верховные судьи вступили на путь правового активизма, по сути – революционного законотворчества, которое стало спешно менять лицо страны. Как недоумевает американский культуролог и публицист, единомышленник Г.К. Честертона и К.С. Льюиса Джозеф Собран: «Откуда ни возьмись, у нас действует новая конституция» [Собран, 2008, с. 49], без дебатов и голосований. «Всего за каких-нибудь несколько лет отменяется тысячелетняя традиция» [Собран, 2008, с. 160]. Продолжая на словах присягать отцам-основателям, теперешние распорядители жизни выступают отнюдь не продолжателями-наследниками, а прямыми ликвидаторами их наследия.

Но суть проблемы, повторим, не в приватной психологии этого «стада независимых умов» (выражение того же автора), заседавших в Верховном Суде. Они, будучи законодателями, одновременно поддались новому, наступающему, беспочвенному, а тем самым и атеистическому, умонастроению, постепенно завоевывающему цивилизованный мир новейших времен и, увы, захватывающему и восточно-европейскую, в том числе российскую, часть цивилизации.

Итак, речь идет о появлении в нашей эпохе нового духовного явления. И будучи тотальной идеологией, – а мы убедимся, что это именно так, – под флагом деидеологизации оно отвоевывает место под солнцем, беспощадно вытесняя действующее, т.е. христианское, мироотношение, закрепленное в Конституции США. Как отмечал журнал «Time» в 1991 г.: «Святотатствам дорога открыта: “пожалуйста!”, а упоминать Бога с благоговением: “н-е-е-т!”» (цит. по: [Ошеров, 2008, с. 56]). Как и всякая большая идеология, эта будет завоевывать мир, спускаясь сверху, и только потом, принудительным или пропагандистским путем (что мало различается между собой), оседая внизу. Впрочем, несмотря на агрессивную популяризацию «передового» мировоззрения вширь, «молчаливое большинство» остается вечным для него камнем преткновения.

Так что же конкретно представляет собой взятая на вооружение Верховным Судом идеология, которая выдает себя за двига-

теля прогресса и знаменосца свободы, но меняет русло общества и вносит в него глубинный раскол?

Это есть наступающая *беспочвенная философия свободы*, или «*неолиберализм*», идущая на смену классическому либерализму. Мне уже не раз приходилось описывать этот мировоззренческий феномен сегодняшнего дня, который на виду у всех и не понят – ибо хитроумно устроен и закамуфлирован под либеральный гуманизм.

Описание его предыстории можно найти у авторов «Вех» (1909), затем у Г.П. Федотова в анализе «ордена русской интеллигенции», а теперь вот у Ирвинга Кристола («Враждебная культура интеллектуалов»). Между тем за истекшее столетие идейные знамена оппозиционной интеллигенции сильно перекрасились. Открытая социально-политическая революционность былого «ордена» сменилась по форме освобождающей, «гуманистической идеей», оказавшись по своим последствиям для человеческого бытия опаснее прежней.

Подобная идейная позиция, сформировавшаяся как бы в пике хозяйничавшим в Европе тоталитарным режимам – коричневому и красному, иначе говоря, национал- и интернационал-социализму, объявила о своей принципиальной внеидеологичности и выступила под неоспоримым, казалось бы, и ласкающим ухо лозунгом защиты драгоценных «прав и свобод» человека. Однако под этими «правами и свободами», заявленными декларативно и абстрактно, никакого содержания не подразумевается, кроме чисто анархистского «рассвобождения» человека и общества от традиционных прав и свобод. Прежде всего, права не могут начинаться с отрицания, с частицы «не», как практиковалось на первом этапе введения в действие этого «гуманитарного манифеста», т.е. *отмены* принятых норм и высших ценностей.

В основе новой идеологии лежит философский релятивизм, не признающий никакой иерархии ценностей и никаких истин. Однако она действует под чужим именем – под именем «либерализма», с которым между тем не имеет ничего общего и является просто спекуляцией на его авторитете, благодаря чему сумела внедриться в качестве мейнстрима в общественное сознание. Этот новый, деструктивный по отношению к миру претендент на либеральность в действительности есть прямой *антагонист* классического либерализма, утверждающего свободу человека в сочетании с истиной смыслового, иерархического мироустройства. Но пре-

тендент гуляет по миру под именем своего антипода, и, кажется, никто из культурно-политического мира не осознает этого.

Философский, или мировоззренческий, релятивизм новой идеологии фигурирует к тому же и под именем «плюрализма» и тоже спекулирует на инородном ему явлении – на «гражданском плюрализме», т.е. разнообразии общественных форм и объединений. Мировоззренческий плюрализм действует в духе апорий Зенона: абсолютная истина в том, что абсолютной истины нет, из чего предполагается уже не выяснение истины в свободной дискуссии (в условиях *гражданского* плюрализма), а запрет на нее как на пагубный, тиранический мираж. В последнее время на месте *правды* появилось фантастическое понятие «*постправда*» (posttruth), где важным оказывается не утверждение самой истины, объективного знания о предмете или событии, а личный каприз, направленный по их адресу. А еще, понятная человечеству *нормальность* заменяется «*новой нормальностью*», т.е. *аномальностью*. Такой дух прещения роднит плюралиста с тоталитарием, «от которого он всячески открещивается» [Гальцева, Роднянская, 2012, с. 115]. Но на самом деле идеологи антиидеологизма перещеголяли своих тоталитарных предшественников по части закабаления человеческой личности: те действовали физическим насилием и требовали социального подчинения и выражения верноподданничества новому порядку вещей, *меня* содержательные ориентиры; эти, *неолибералы*, именуемые по намеренной близорукости *либералами*, *отменяют эти ориентиры*: утверждая равенство всех мнений и точек зрения, и тем налагают *запрет* на всякую содержательность *внутреннего, глубинного, интимного мира* человека, отрицая за ним право на различие истины и лжи, добра и зла, прекрасного и безобразного, таким образом устраняя метафизические запросы человеческой души, искание смысла жизни. По сути, это замах на насильственную *переделку* самой человеческой природы. Тут уместно вспомнить неожиданное заключение разработчика «наилучшей» «социальной системы мира», теоретика Шигалева из романа «Бесы» Достоевского: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом». Но природа не терпит пустоты – на заполнение коей, осознанно или нет, де-факто и нацелена новая идеология, отрицающая идеологию, как таковую. На смену вытесняемым нормам и правам утверждаются антинормы и антиправа, идущие наперекор всему религиозно ориентированному

американскому общественному и частному укладу, утверждаемому Конституцией, не говоря о здравом смысле. В области образования, воспитания и семейного права на наших глазах пробивают себе дорогу чудовищные законопроекты так называемого «планирования семьи», ювенильной юстиции, абортот «без ограничений», пропаганды гей-движения, узаконения извращенных браков и... инцеста. Агрессивные сторонники однополый любви, издавна имевшие законные и укорененные имена «педофилов» и «содомитов», ныне отмежевываются от этих прозваний и наступают под лозунгами прав человека и свободы слова. Между тем свою аномальность и противоестественность сами же косвенно подтверждают, когда клеймят своих противников именем «натуралов», невольно обличая себя как «денатуралов», т.е. извращенцев.

Наиболее очевидны разлом классической культурной традиции, картина переворота и разрыва в ее преемственности вследствие распространения мировоззренческой новации, – в области изобразительного искусства. Авангард, предшественник нынешнего тренда, поставангарда, или актуального искусства, сам объявил о разрыве отношений с искусством, объявив об иных своих целях и задачах.

Так является ли новый претендент на право иметь место в искусстве или он должен быть зачислен по какому-нибудь другому ведомству?

Я насчитала четыре имманентных черты, характеризующих подлинность художественного творчества. Исходя из дефиниции искусства у Канта, которая вобрала в себя и Аристотеля и Платона и привлекла мысль Гегеля, а затем и последующую классическую философскую традицию, искусство есть: (1) творчество *прекрасных* предметов, (2) *целесообразных без цели*, доставляющих (3) *наслаждение* и (4) *рожденных подобно созданиям природы*. Так образы поэзии <...> должны оживлять воображение, должны обладать свойствами жизни, – пишет Кант. Это любимая мысль и Аполлона Григорьева, которую он детализирует в теории живорожденного искусства, опираясь на формулировку Гегеля: произведение искусства должно быть всегда непреднамеренным, простодушным, как бы возникшим само собой.

Однако, взгляды, никаких таких свойств у актуального искусства нет. Доказательства этого – перед глазами. Все направления постмодернизма и авангард, мировоззренческие и факти-

ческие, представляют собой полное противоречие традиции того, что до сих пор считалось атрибутами Искусства. О *красоте* тут не может быть и речи – постмодернисты от нее принципиально отказываются. Вместо наслаждения постмодернистское творчество (поп-арт, видеоарт, инсталляция, перформанс и авангардистская струя кубизма и сюрреализма) вызывает у нас в лучшем случае удивление, а чаще всего стремится потрясать, отвращать и, наконец, пугать. *Живорожденность* творческих созданий заменена либо измышлением *конструкций* («складные чудовища» – Н. Бердяев), либо экспериментами с сомнамбулическими, психоаналитическими продуктами подсознания. О непредумышленности рождения образов говорить тоже неуместно.

Как же назвать подобную творческую деятельность, которую Н. Метнер именовал «антиискусством», а Вл. Вейдле – «послеискусством»? Может быть, *акционизмом* (что, впрочем, уже имеет хождение в культурологических кругах), поскольку свое призвание исполнители мыслят как акции, воздействующие на общество в сторону его радикализации. Так что помощи от них в выздоровлении общества нечего ждать. Искусство, по словам Вейдле, само нуждается в помощи, но это не больной, жаждущий излечения, а умерший, чающий воскресения.

И музыкальная новая волна постмодернизма нас не радует, она оглушает и сотрясает, приводит в неистовство массовые аудитории. Пропала гармония, мелодия и в целом – приносимая ими красота. Но это не значит, что исключено появление прекрасных образцов (типа «Битлз» или ряда увлекательных саундтреков, не порвавших с основами мелодичного искусства). Между тем театр в угаре *реноваций* занят элементарной порчей чужого авторского имущества, подпадающей под уголовную статью.

Такое гипнотизирующее творчество, сокрушающее сами органы чувств, превратившееся в орудие агрессии и устрашения, идет в ногу с разрушением морали.

Недавно мы услышали от начальственного лица некоего американского штата о том, что общество должно признать *преимущество* браков с родителями № 1 и № 2 перед традиционной семьей с мамой и папой. Дополнения и разъяснения требуются в сдвинутые времена и по ряду других основополагающих документов. Так, один из основных авторов нашей, российской Конституции 1993 г. С. Шахрай как-то признался, что ему и в голову не

приходило в начале 1990-х оговаривать особым образом в Конституции, что речь идет именно о традиционной семье.

Так наглядно этот *секуляризм* на наших глазах перетекает в прямой богоборческий *атеизм*, а светское демократическое государство – в государство атеистическое с той самой диктатурой над сознанием, которая лишает его характера свободного, светского демократизма...

Известный американский историк Джозеф Хичкок в 1986 г. с тревогой констатировал, что «за последние 20 лет произошло радикальное разрушение когда-то существовавшего морального консенсуса. Это случилось с необыкновенной быстротой, оставляя после себя общество, глубоко безразличное к фундаментальным моральным ценностям» (цит. по: [Ошеров, 2008, с. 8]). Этот «моральный консенсус», т.е. в данном случае «ковенант», пишет И. Кристал в юбилейной статье к 200-летию американской Конституции «Дух 87-го», «лишается всякого смысла, если он не опирается на моральные истины», источником каковых «всегда была религиозная традиция», без которой, присоединим сюда и голос отца-основателя Джона Адамса, «невозможно объяснить, что хорошо, а что плохо». «200-летний юбилей Конституции, – заключает Кристал, – представляется подходящим поводом не только по праздновать, не только поразмышлять, но и помолиться за Конституцию. Думается, она бы не возражала» [Кристал, 2008, с. 188].

Дело в том, что неолиберальная идеология антиидеологизма с ее философией одной свободы *sansrivage*, которая не признает никакой предметности, никакой содержательности, разрушает духовный фундамент, цементирующий человеческое сообщество, и возводит так называемую «стену отделения» *религии от общества* и государства, в то время как принцип этот говорил в Основном законе об «отделении *церкви от государства*» как институции. Это принципиальное и повсеместно внушаемое квазилиберализмом заблуждение, вытесняя традиционные скрепы из общественной жизни, открывает дорогу для идейного разброда, социального раскола и, в конце концов, – для сокрушительных перемен. Шестидесятые годы прошлого века оказались годами бурных протестных движений в США: за равноправие черных, а затем и за расовое их превосходство («черное – это красиво!»), движений феминистского, молодежного, позднее – за права специфических меньшинств.

Сегодня протестный раскол принял форму и так называемых «культурных» мировоззренческих войн.

В своем атеистическом перетолковании Конституции Верховный Суд прежде всего опирался – и это еще один парадокс – на ту самую знаменитую Первую поправку к ней «Билля о правах» (1891) и «Декларацию независимости», где создателями Конституции обосновывается ее религиозный фундамент: «Общие принципы, на которых отцы добились независимости, были общими принципами христианства... Эти общие принципы христианства так же вечны и неизменны, как существование и атрибуты Бога», – утверждал в вводной статье к «Декларации» один из создателей Конституции, второй президент США Джон Адамс. К этой же посылке прибегали и остальные отцы-основатели.

Однако при всей, казалось бы, ясности конституционных оснований, эти документы новыми прогрессивными истолкователями были в корне извращены.

В атеистическом духе они изъясняли и запрещение устанавливать «какую-либо религию» в качестве доминирующей. Современные интерпретаторы усмотрели здесь запрет на религию вообще, отрываясь от исторической реальности, когда в США не было *никаких* религий, кроме христианства, и речь шла лишь о разных его конфессиях и деноминациях, в изобилии ввезенных сюда переселенцами, гонимыми из метрополии религиозными преследованиями. И это тоже соответствовало духу христианского вероучения и нисколько не закрывало перед ним дорогу. Мало того, Верховный Суд проигнорировал и самый статус поправки, которая являлась *приложением* к Основному закону, сочиненному пасторским коллективом и проникнутому христианским содержанием и духом. Гуманитарные прогрессисты в подходе к «Декларации» и «Биллю о правах» совершенно абстрагировались от конституционных времен принятия этих документов, когда Америка жила христианством и никому в голову не могло прийти, что кто-то может понять эту поправку вне подобного контекста и подтекста. Тогда и сегодня она читалась и читается разными глазами. Но самое главное, в этих документах говорится об опоре государства на законы природы и создавшего их Бога, даровавшего человеку право на счастье и основополагающие права. Более того, в конституциях всех штатов заявлялось о Боге; в юго-восточных землях (на-

селенных по большей частью протестантскими выходцами из Европы) по 10 (Северная Каролина) и по 12 раз (Массачусетс).

Эта чтимая поправка «Билля о правах» и «Декларация» в истолковании новых идеологов привели, в конце концов, к *исчезновению общественной свободы для «молчаливого большинства»*, ибо человек чувствует себя свободным, когда духовно-культурная среда не угнетает его, не диктует ему свои императивы, когда господствующее мировоззрение не идет вразрез с его собственным, — что жизненно важнее, чем пара-тройка или даже десяток спущенных сверху «дополнительных» прав.

Так, цитируемый выше Джон Адамс отчеканил: «Конституция США рассчитана на моральный и религиозный народ» [Каграмано, 2014]. Именно так. Однако здесь кроются две прекраснодушные ошибки: уверенность в незыблемости веры и упущение того момента, что не в его, народа, руках находятся трактовка Конституции и законодательные акты. В Конституции было сказано, что она призвана «содействовать всеобщему благоденствию», созданию «благого общества». Историк Джеймс Фицпатрик пишет: «Не будет преувеличением сказать, что Конституция была предназначена для того, чтобы дать раннеамериканским христианским сектам *больше* свободы в деле формирования *морального консенсуса* (здесь и далее курсив мой. — Р. Г.), тех самых внутренних *моральных сдержек*, без которых свободное общество не может оставаться *социальным, благим обществом*», или, так называемым, «обществом всеобщего благоденствия», прописанным в Конституции (цит. по: [Ошеров, 2008, с. 6]).

Но если упадок и разложение «благого общества», всех сфер его жизни наступают вслед за истощением морально-религиозных или этико-философских оснований, то вывод отсюда следует один. И не только горький опыт Соединенных Штатов, утрачивающих свой «ковенант», но и, напротив, необыкновенный взлет послевоенной Германии, избравшей курс христиански ориентированной политики, свидетельствует о том, что государству нужна система ценностных ориентиров, т.е. мировоззрение, указывающее, каким ему, государству, лучше быть. Неотомист Жак Маритен знал, что говорил, когда настаивал: государство должно иметь идейные ориентиры, с позиций которых оно «имеет право сопротивляться пропаганде лжи и клеветы; сопротивляться деятельности, направленной на моральное разложение; сопротивляться тем, кто ставит себе

целью уничтожение государства и общественной жизни» [Maritain, 1943, p. 89]. Напомним, что государство должно быть отделено от церкви как от институции, но не от вносимого ею в мир религиозного мировоззрения.

Преодоление атеистической диктатуры с целью оздоровления и возрождения жизни – в Штатах ли, в Европе ли, отказавшейся от христианской идентичности, в России ли, во многом следующей, судя по ее культурному мейнстриму, по этой же дороге, – требует метанойи, поворота сознания от потребительского экспансионизма и ментального экстремизма к самоограничению и отрезвлению. В области социально-политической речь, очевидно, должна идти о системе, которая объединяет в себе оба христианских принципа: личной свободы (на что тщетно претендует безосновное светское государство) и Христова наследия. Задача возрождения страны нуждается в объединении сил христианской интеллигенции, перед которой стоит задача теоретического разоблачения изощренно закамуфлированного «лжеименного» либерализма¹, и Церкви, которой предстоит, по моему глубокому убеждению, миссия новой евангелизации. «Как и во времена Ириния Лионского, вступившего в борьбу с “лжеименным знанием” гностической ереси, доказательства, обличающие и опровергающие “лжеименное знание” современного “нового гуманизма”, должны быть добыты, как сказано о пяти книгах “Против ересей”, также диалектически-философским путем <...> через раскрытие того внутреннего противоречия, в каком стоят между собой различные положения их (этих заблуждений. – Р. Г.) системы» [Гальцева, 2008, с. 549].

Если не вернуться к своим мировоззренческим корням, общественное пространство, как пустая горница, будет заселено другими, бывшими тотальными идеологиями: коричневой, как это происходит на Украине, и красной (вперемежку с новейшей так называемой «либеральной» идеологией) в России, приметы чего все

¹ Цитируемые здесь видные историки и политологи США (как, впрочем, и остальные политаналитики), в чьих работах содержится обширный материал относительно процессов перерождения современной демократической Америки, в объяснении конечной их причины останавливаются обычно на предпоследних – психологических, политических и проч. мотивах, не добираясь до корня зла – новой идеологической запрограммированности, к примеру, «бездумности» (Ирвинг Кристол).

зримее в наших послушных СМИ; или лжелиберальной – как на Западе. Ведь и российскую жизнь не обходит стороной эта западная болезнь беспочвенного либерализма и политкорректности, ломающая морально-эстетические нормы. Так, неолиберализм – это вторая, кроме социально-экономической, духовная мина, заложенная подо всю, и в том числе нашу, европейскую цивилизацию.

Россия переживает поистине трагический парадокс политической реставрации: проигравшие, побежденные, казалось бы, вычеркнутые из истории путчисты, деятели и адепты свергнутого режима, по которым плачет люстрация, оказываются сегодня героями-победителями, видными функционерами, профессорами-воспитателями в университетах и зловонными очернителями тех, кто высвободил Россию «из-под глыб» прежнего режима и великодушно предоставил своим врагам свободу. Теперь они, пробравшиеся наверх, заняты агрессивной идеологией его возрождения, включая беспрепятственную ресталинизацию. Поразительно, что respectable на сегодня социологи-политологи, консультанты-эксперты, а это ведущий пропагандистский корпус в СМИ, будто стоворились не замечать грандиозного исторического события – смены в 1991-м «социально-экономической формации» (скажем хоть по Марксу), *возврата страны в сообщество европейских государств* – и настойчиво рассматривают историю России в едином потоке. И эта слепая одержимость в отождествлении России и Советского Союза есть основной корень сегодняшнего одиночества нашей страны, в том числе, увы, среди бывших советских республик. Мы сами оставляем за собой статус оккупационной державы и тем самым создаем мотив нас бояться. И пока влиятельные российские круги не осознают всей пагубности этой фанаберии, цепляющейся за советское, гулаговское прошлое колосса на глиняных ногах, страна в глазах какого ни есть цивилизованного окружающего нас мира будет оставаться «империей зла», уже не будучи таковой. Нет, надо немедленно провести *люстрацию сознания* ведущих российских идеологов!

Отсюда происходит и ложное размежевание между некими «западными ценностями» и ценностями некоего «русского мира», чьи поборники в нерелексивном патриотическом запале вместе с водой выплескивают и ребенка. Что такое «западные ценности»? Если это ценности, на которых две тысячи лет стояла западная цивилизация (и от которых предательски отказывается она сегодня),

то это общие с нами христианские ценности, т.е. ценности и «русского мира». И что остается от него, если эти ценности вычесть?

Надо прояснять это непродуманное употребление несочетаемых позиций, проводить, как было выше сказано, люстрацию сознания. Да, мы остаемся сейчас чуть ли не заповедником христианства в современном европейском мире – и одновременно продолжаем трактовать свою историю как благостно непрерывную, не видя смертельного атеистического разлома ее в 1917 г. и компрометируя этим свое христианство. Таким образом мы отмежевываем свой «Русский мир» от Западного мира, как будто мы с ним вышли не из одной купели. Другое дело, если бы речь шла только о современном положении дел.

Вообще, можно только удивляться той путанице, которая творится в мировой политической терминологии. Помимо того, что с понятием «либерализм» отождествляется противоположное ему понятие «неолиберализм» и таким образом в одной категории сливаются два несовместимых смысла, то же происходит и с другими понятиями антагонистами. Так, «консерватизм» – эта опора общественного порядка – для подавляющего большинства аналитиков и для бытового сознания означает бездвижность, застылость в одном состоянии (по-английски – *stand patting*, не брать взятки в карточной игре). Между тем другое, концептуальное мировоззрение трактует его как *эволюционное* движение, не теряющее традиционных общественных основ. Если вникнуть в содержание этого понятия, то вспомнится, что «консерватизм» происходит от слова «консервировать», что значит «сохранять». Но по отношению к живому организму, каковым является общество, сохранение его не может мыслиться без эволюционной «подкормки»; необходимости вовремя откликаться на его назревшие жизненные потребности. Так же как растение, которое нуждается для своего роста в притоке влаги, питания и солнечного света, общество для его дальнейшего развития и даже существования требует внесения коррективов, диктуемых самой жизнью: освобождаться от отжившего и на эволюционном пути реформ заменять его новым элементом.

Итак, вдумаемся: если беспочвенный «неолиберализм», признающий одну безграничную свободу, не может быть идейной основой общества, то и консерватизм также не может ею быть. В первом случае оно расплывается, во втором – застывает. Остается сделать вывод, что жизнеспособной оказывается только одна, со-

четающая в себе обе основы система: «консервативный либерализм», или «либеральный консерватизм», на чем была построена государственная система США. Именно на нем строилась во времена «Преображенской революции» 1991 г. социальная система России, ныне оказавшаяся в морозильной камере. Выбраться ли ей оттуда?

И – заключительная реплика. Для многих это покажется преувеличением, однако, по моему убеждению, главная сила, которая покончит с человеческим миром, и с западной и с восточноевропейской цивилизацией, будет популярная ныне новация *гендерного эксперимента*. Представляется, что, если бы хозяину inferнального царства надо было придумать, как вернее всего разрушить созданный Творцом мир, он не нашел бы ничего лучшего, чем это.

Список литературы

- Гальцева Р.А. Знаки эпохи. Философская полемика. – Москва ; Санкт-Петербург : Летний сад, 2008. – 667 с.
- Гальцева Р.А., Роднянская И.Б. Summa ideologiae. – Москва : Посев, 2012. – 128 с.
- Достоевский Ф.М. Письмо к Н.Д. Фонвизиной. Конец января – 20-е числа февраля 1854. Омск // Достоевский Ф.М. ПСС : В 30 т. – Ленинград : Наука, 1985. – Т. 28, кн. 1. – С. 173–179.
- Каграманов Ю. «Культурные войны» в США // Эон: Альманах старой и новой культуры. – Москва : ИНИОН РАН, 2014. – Вып. 11. – 196 с.
- Кристал И. Дух 87-го // Эон: Альманах старой и новой культуры. – Москва : ИНИОН РАН, 2008. – Вып. 10. – С. 180–188.
- Лефевр М. Они предали Его. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2007. – 348 с.
- Маркс К., Энгельс. Ф. К критике философии права Гегеля // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения в 27 т. – Москва ; Ленинград , 1929. – Т. 1. – С. 537–652.
- Ошеров В.М. Но вечный выше вас закон. Метаморфозы американского правосознания. Взгляд из России. – Москва ; Санкт-Петербург : Летний сад, 2008. – 288 с.
- Пушкин А.С. Собр соч. в 6 томах. – Москва ; Ленинград : Academia, 1936–1938.
- Сендеров В. Кризис современного консерватизма // Новый мир. – 2007. – № 1. – С. 117–151.
- Собран Дж. Новые табу // Эон : Альманах старой и новой культуры. – Москва : ИНИОН РАН, 2008. – Вып. 10, –. С. 49–160.
- Maritain J. The rights of Man and Natural Law. – New York : Charles Scribner's sons, 1943. – 119 p.
- Sieferle R. Finis Germania. – Berlin : Antaios, 2017. – 266 s.

Tournier P. Le Vieux monde est de retour. – Paris : Stock, 2018. – 250 p.

References

- Gal'ceva R.A.* (2008). Znaki epohi. Filosofskaya polemika.
- Gal'ceva R.A., Rodnyanskaya I.B.* (2012). Summa ideologiae.
- Dostoevskij, F.M.* (1854). Pis'mo k N.D. Fonvizinoj. Konecz yanvary. Leningrad : Nauka. T. 28. Kn. 1. S. 173–179.
- Kagramanov, Yu.* (2014). «Kul'turny'e vojny'» v SShA. Moscow : INION RAN. Vy'p. XI, 2014.
- Kristol, I.* (2008). Dukh 87-go. Moscow : INION RAN.
- Lefevr, M.* (2007). Oni predali Ego. Sankt-Peterburg : Vladimir Dal'.
- Marks, K.* (1929). E'ngel's. F. K kritike filosofii prava Gegelya. Moscow ; Leningrad – T. 1. – S. 537–652.
- Osharov, V.M.* (2008). No vechny'j vy'she vas zakon. Metamorfozy' amerikanskogo pravosoznaniya. Vzglyad iz Rossii. – Sankt-Peterburg : Letnij sad.
- Pushkin, A.S.* (1936–1938). Sobr soch. v 6-ti tomakh. M. – Moscow ; Leningrad: Academia.
- Senderov, V.* (2007). Krizis sovremennogo konservatizma. MIO: Novy'j mir», N 1. S. 117–151.
- Sobran, Dzh.* (2008). Novy'e tabu. M.: INION RAN. Vy'p. Kh, 2008. S. 49–160.
- Maritain, J.* (1943). The rights of Man and Natural Law. N.Y.: Charles Scribner's.
- Sieferle, R.* (2018). Finis Germania. Berlin: Antaios.
- Tournier, P.* (2018). Le Vieux monde est de retour. Paris: Stock.